SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главы из документальной книги советского радиожурналиста, спортивного комментатора.

- Ю. Гальперин
  -
  - Сажусь… на колесо
  - Ошибка в энциклопедии
  - Ком в горле…

Ю. Гальперин
Ошибка в энциклопедии

Помещенный здесь отрывок — главы из новой книги «Человек с микрофоном», которая готовится к печати в издательстве «Искусство».

Ю.Г.

Сажусь… на колесо

Если спросить вас, какой самый популярный вид спорта, вы, не задумываясь, ответите: футбол либо хоккей. Трудно найти даже школьника, не знающего фамилий наших знаменитых игроков. И все же, если тот же вопрос задать поляку, чеху, немцу, итальянцу, французу, многие из них дадут другой ответ: велосипедная гонка.

В этих и во многих других странах велосипед — достойный соперник шайбы, футбольного мяча.

Многодневная гонка на большие расстояния необыкновенно увлекательна и вместе с тем очень сложна.

По улицам городов и сел, по крутым горам с головокружительными спусками и поворотами мчится лавина велосипедистов. Скорость во время спуска иногда доходит до восьмидесяти километров в час, и нужны крепкие нервы, зоркий глаз, великолепное владение техникой, чтобы не столкнуться, не упасть на повороте, не отстать от своих соперников. Почти в каждой европейской стране ежегодно проводятся такие соревнования велосипедистов, и сотни тысяч, миллионы болельщиков волнуются за их исход.

У нас этот вид спорта и до сих пор не получил должного размаха, хотя велосипед — заветная мечта каждого мальчишки, да, пожалуй, и большинства девчонок.

Едва освоив трехколесный «экипаж», ребята азартно крутят педали, а пересев на двухколесный «Орленок» или «Школьник», самозабвенно соревнуются друг с другом.

И я с детства увлекся велосипедом, поэтому очень охотно взялся опекать не столь уж многочисленные соревнования.

Сначала репортажи с трека московского стадиона «Юных пионеров», с Тульского трека, гонка по Садовому кольцу и, наконец, первая многодневная шоссейная гонка по дорогам трех республик — России, Белоруссии, Украины.

В открытой судейской машине едем за велосипедистами. Характер этого тактически сложного соревнования, его тонкости постигались не сразу, но яркий накал спортивных страстей заразил с первого же дня.

Как вести репортаж об этом многогранном, многоликом и длительном (каждый этап 2–4 часа) состязании? Где лучше находиться, как увидеть самое главное, как за несколько минут до финиша попасть к ожидающему там микрофону?

Чтобы рассказать о ходе гонки, фиксирую все интересные моменты в блокноте. Такой ежедневный дневник оказался очень

полезным.

Уже на финише, за несколько минут до прихода победителя этапа, пытаюсь воссоздать картину происходившего на трассе.

Это должен быть не простой рассказ, а эмоциональный по самому характеру изложения и по языку репортаж, будто бы все то, о чем говоришь, совершается сию минуту. Да простится мне столь ненаучное определение, но комментатор обязан в необходимых случаях «взвинтить» себя, оживить перед мысленным взором минувшие события и с чувством, соответствующим их характеру, передать слушателям. А коли так, то твой репортаж о самом финише легко смыкается с тем, что уже сказано, становится не только логическим продолжением, но и звучит в одном эмоциональном ключе.

Вообще спортивный комментарий противопоказан слишком хладнокровным, уравновешенным, а уж тем более флегматичным журналистам.

В нем должна все время биться живая человеческая душа: радости и огорчения, волнение, искреннее восхищение красотой, мужеством спортсменов — участников того или иного поединка.

Это, по-моему, всегда отличало В. Синявского, Н. Озерова, В. Набутова, многие (но не все) репортажи А. Галинского.

Рациональные, «справочные» комментарии, где основа — нудное повторение анкетных данных спортсменов, протокольное перечисление технических результатов, раздражают, сокращают число болельщиков. А ведь из их армии рекрутируются и будущие спортсмены. Увлекательные репортажи зовут молодежь попробовать свои силы.

Однако вернемся к велосипеду.

Популярность велоспорта породила новое международное соревнование под девизом борьбы за мир и дружбу между народами.

Редакции трех крупнейших газет — польской «Трибуна люду», чехословацкой «Руде право» и немецкой «Нейес Дейчланд» — весной 1948 года пригласили спортсменов всех стран на первую гонку мира.

Наши гонщики пока не отваживались принять в ней участие.

В один из апрельских дней 1954 года, когда я отсыпался после ночной работы в аппаратной, меня разбудил звонок из редакции:

— Срочно к главному.

Внестудийщиков, исполнявших роль мастеров на все руки, у нас было не так уж много, и никто не удивлялся, если даже ночью поднимали с постели. Оставалось лишь гадать: зачем?

Вот и я мчался в редакцию, снедаемым понятным

любопытством.

Бегу по лестнице на третий этаж, влетаю в кабинет:

— Вы меня вызывали?

— Садись. — И редактор спокойно опустил глаза, продолжая править лежавший перед ним материал.

Закончил, неторопливо снял очки:

— Скажи-ка, как наши велосипедисты, сильны?

Я ждал чего угодно, только не такого странного вопроса. Может быть, он вспомнил мое горячее выступление на летучке в защиту велоспорта, сетования на малые отрезки времени для репортажей о нашей гонке?

Однако вопрос задан.

— Сильны, — говорю, — и вообще мы еще мало пропагандируем такой динамичный, увлекательный и самый доступный вид спорта. Репортажи с гонки режут, ругаются, что я кричу у микрофона, а один деятель умудрился сказать — «нездоровый азарт»…

Главный молчит, только прищурился и смотрит так, будто оценивает.

— В самом деле, нельзя же специально сдерживаться, если на финише такие страсти разгораются, тысячи людей волнуются, переживают…

— Кричать надо с умом, — спокойно вставляет редактор. — Так, говоришь, сильны наши ребята? А кто поедет на гонку мира, знаешь?

— Конечно, знаю. Вот поехать бы с ними!

— Ну и поедешь, — так же невозмутимо сообщает главный, — для этого и звал. Только чтоб выиграть!

— Спасибо! Обязательно выиграем! — обалдев от радости, легкомысленно обещаю я.

— Посмотрим. А теперь быстро в Комитет физкультуры, оформляйся, тебя включили в состав делегации.

В комитете с пристрастием допрашиваю тренера нашей команды Леонида Шелешнева. Я ведь совсем не знаю зарубежного велоспорта.

Шелешнев охлаждает мой пыл:

— Не забудь, впервые едем, а там такие зубры — дай бог в тройку попасть. Но это между нами, нельзя ребят расхолаживать.

— Понял. Молчу.

Перед отъездом захожу к главному редактору за последними наставлениями. Помня о своем опрометчивом обещании, пытаюсь слегка дать «задний ход».

— Все-таки впервые едем, там такие зубры — дай бог в тройку попасть.

— К чему ты это?

— На первых порах могут быть и неудачи на этапах. Вы уж скажите, чтоб не резали меня тут сильно…

— А кому охота слушать про неудачи? Нет, ты уж давай нам что поприятнее. Ладно, поезжай, нечего загодя петь лазаря, видно будет.

Варшава. Огромный современный отель забит велосипедистами, судьями, журналистами.

В холлах, застеленных цветными коврами, среди новой сверкающей мебели торчат опрокинутые вверх колесами гоночные машины, всюду насосы, инструменты. У машин колдуют механики, сами велосипедисты. Проходят здоровенные парни с колесами, охапками однотрубок — главной велосипедной обувью, где камера и покрышка единое целое. Кто-то прилаживает к рулю машины цилиндрические пластмассовые бачки с торчащими вверх тоненькими трубками — пить на ходу.

В приоткрытую дверь ближнего к холлу номера виден массажист. Он усердно мнет бока одному из своих подопечных.

Прямо-таки велотабор!

Захожу в пресс-центр. Тут груды бумаг: справки, списки команд, брошюры о прошлых соревнованиях, карты маршрута…

Получаю солидный комплект: походную сумку, значок «Пресса» и огромный синий парусиновый мешок с моим журналистским номером «Р-360».

На мешке бирка с названиями всех гостиниц до самой Праги и заранее проставлен номер, в котором будешь жить. (Жить? Ночевать.)

— Это так, — наставляет меня польский комментатор Витек Добровольский, — утром вещи в мешок — и уходи. Приедешь в другой город — они будут уже в твоем номере.

— Здорово придумано!

В «чековой» книжке талоны на телесрочные разговоры, питание и даже листки с нарисованной кружкой пива и бутылкой минеральной воды. Все предусмотрено.

Лишь одного нет в проспектах — кто победит…

С Витеком едем на радио договориться о порядке работы в студиях, связи с Москвой.

Забот столько, что Варшаву посмотреть некогда, как, впрочем, будет потом по всему пути — увидишь только трассу да в местах однодневного отдыха побродишь по городу.

Возвращаюсь в отель. Перед входом — толпа болельщиков. Гонщики пробуют налаженные машины, а иные и просто не прочь покрасоваться перед охочей до зрелищ публикой, дать автограф бесчисленным собирателям спортивных сувениров.

Завтра первый старт.

Журналисты поедут в специальном автобусе и в открытых машинах.

Каждую команду сопровождает на трассе автофургон с запасными машинами, колесами, прочим снаряжением. Идут и санитарные машины — всякое может случиться: трасса непривычная, на пути много городов, булыжные мостовые, трамвайные рельсы (опасно!), крутые повороты…

День за днем мелькают города, поселки, перелески, катится перед глазами многоцветная велокавалькада. Она то растягивается гигантской цепью, то распадается на звенья.

Когда удается приблизиться к группе, где есть кто-нибудь из наших ребят, стараешься поддержать, крикнуть что-нибудь вроде: «Жми, Женя!» Иной раз и поможешь дельной информацией: «Ты третий, Славка закололся».

Это уже важно: у Чижикова, который шел впереди, — прокол, меняет однотрубку, и ты теперь входишь в зачет команды, а ее результат определяют по первым трем.

Случается, что в большой группе падает сразу несколько человек — «завал», настоящая куча мала. Стараясь обойти ее или воспользоваться суматохой для побега, рывка вперед, гонщик не успевает увидеть попавшего в беду товарища по команде, а знать ему это надо.

Вот и орешь: «Виктор в завале!»

Еду в машине с тренером. Вдруг вижу — капитан нашей команды Чижиков, шедший в головной группе, «спускается» в хвост, отстает.

— Что с ним, Леонид? — спрашиваю у тренера.

— Молодец! Пошел за Немытовым.

Теперь понимаю: Чижиков вернулся к отставшему из-за поломки Немытову, чтобы помочь ему выйти вперед — вдвоем легче. А бывает и так, что вперед уходить невыгодно: надо караулить ближайших конкурентов, задержать их. Беглецы команде не опасны, зато если с ними ушел один наш, он поможет (если дойдет до финиша) опередить соперников.

Тактика команды меняется буквально на ходу, удивительно интересно, захватывающе.

Но пока о наших гонщиках даже не говорят, их никто не знает. Фавориты — поляки, чехи, французы, голландцы. Кто угодно, только не наши. Обидно.

И репортажей моих почти не дают, чаще информации: «На третьем этапе гонки мира победу одержали чехословацкие велосипедисты…»

Так продолжается до Берлина.

Километрах в десяти от города наша машина обогнала головную группу и мчится на стадион.

На улицах несметные толпы. Среди зрителей выделяются люди в черных цилиндрах — трубочисты. Говорят, встреча с ними приносит счастье.

Принесут ли они счастье нам?

Я очень волнуюсь: когда мы оставили гонщиков, в маленькой группе лидеров шел армеец Евгений Немытов, впервые появилась надежда одержать победу…

Вот и стадион. Перед самым входом крутой поворот — сложно! Недаром на улице и у ворот сделаны «мягкие» углы — заложены толстенными кипами соломы.

Стадион полон до краев, семьдесят тысяч болельщиков.

Соскакиваю с машины и как сумасшедший бегу к микрофонам. Их на поле больше десятка — словно солдатики в почетном карауле у финишной черты.

Какой мой? Глаз бежит по табличкам: Польша, Франция, ГДР…

Рядом техник, кажется, симпатичный парень. Разбираться некогда.

— Как зовут?

— Курт.

— Курт, начинаем запись, дайте команду аппаратной.

Веду репортаж, а думаю все о Немытове, да и тоном своим, всем рассказом хочу приготовить слушателей к радостному финалу, верю в него.

С улиц доносится все нарастающий шум. Он, как океанский вал, накатывается на стадион и в какой-то миг захлестывает, накрывает его от края до края.

Из ворот на гаревую дорожку вылетает гонщик в алой майке — Немытов!

Я, конечно, ору, стараясь перекричать все семьдесят тысяч.

Вот он, Евгений Немытов, вот он — день нашего торжества, первого торжества!.. Следом за Немытовым, низко пригнувшись к рулю, жмет на педали Ван Меенен, известный голландский гонщик… Он сидит на колесе у Немытова… Женя! Женя! Не сдавай!.. Они подходят к последнему развороту. Скорость огромная, машины почти ложатся на развороте… Ван Меенен поравнялся с Немытовым… Идут вровень… Нет, голландец вырвался вперед на четверть колеса! Финиш!..

Четверть колеса проиграл Немытов! И все равно победа, все равно торжество!

Вы слышите, как рукоплещет стадион двум победителям труднейшего этапа, как скандируют имя нашего Немытова?

И радостно, и обидно — всего четверть колеса! Но с этого дня спортивная пресса мира заговорила о наших ребятах. Немытова даже зачислили в фавориты, на него уже делают ставки в спортивном тотализаторе…

А дальше снова невезение, да и неопытность тоже. Слишком простыми оказались наши домашние трассы, не было тренировки в финишах на стадионах, часто выходили из строя однотрубки, да и тяжелее они итальянских, а это тоже немаловажно.

Стараюсь вникнуть во все детали, постичь тонкости — иначе какой же я комментатор?

Надежда нашей команды — Немытов, но и ему изменяет спортивное счастье: проколы, поломка машины…

На финише в Праге итог — у команды шестое место. Теперь и я понимаю, что это несомненный успех — команд-то восемнадцать!

— Понимаешь — и молодец! — говорит Шелешнев. — Не в первую, так во вторую тройку попали. Лиха беда начало!

Вернувшись в Москву, я повторяю эти слова в редакции, пытаясь разубедить тех, кто иронически отнесся к спортивным результатам гонки.

Рассказываю о кровавых мозолях на руках ребят, набитых на мощенных крупным булыжником улицах немецких городков, о «завалах», «заколах», плохом качестве велосипедных рам (сломалась у Немытова), о замечательном немецком гонщике Шуре…

И все же на следующий год радиокомментатора на гонку не послали. Команда наша еще лучше прошла — стала четвертой, да и то проиграв бронзовым призерам всего несколько десятков секунд.

Весной 1956 года вновь еду в Варшаву, на IX гонку мира.

Теперь уже двадцать четыре команды оспаривают первенство, приехали даже чемпионы мира — итальянцы. Конечно же, они фавориты, но и советских гонщиков не сбрасывают со счета — могут войти в тройку.

Не буду рассказывать подробности нашего выступления, хотя сделал бы это с удовольствием, но все же главное восстановлено в надежде, что удивительный накал борьбы, поистине драматические коллизии не оставят вас равнодушными.

Сначала казалось, что прогнозы прессы оправдываются: первый же этап легко выиграла итальянская команда, и лидером стал Дино Бруни.

Стартуем на Лодзь. В головной группе уверенно держатся Евгений Клевцов, Павел Востряков, Николай Колумбет, капитан команды Виктор Вершинин.

Наша репортерская машина едет за ними. На пути пункт питания: по обе стороны шоссе столы, на них стоят бумажные стаканчики с апельсиновым соком, кофе, лежат лимоны, бутерброды.

Ни один человек из группы лидеров не позволяет себе останавливаться. Это «привилегия» отстающих. Гонщики на ходу подхватывают из десятков протянутых рук кто питье, кто фрукты. По молчаливому уговору, группа замедляет ход, идет «вразвалку». Бросив руль и запрокинув голову, жадно пьет сок Вершинин, а я невольно любуюсь его мощной атлетической фигурой.

«Завтрак» окончен, шоссе усеяно пустыми стаканчиками, корками, бумажками, и лидеры вновь закрутили педали.

Журналисты не любят пропускать буфеты, и наша машина сделала короткую остановку.

Нагоняем группу как раз в момент очередного «завала». Из разноцветной груды колес и переплетенных ног один за другим выпутываются велосипедисты и, вскочив в седло, бросаются в погоню. Самые несчастливые лихорадочно выправляют рули, снимают колеса.

Как наши?!

Мелькнула майка Вершинина — цел, ушел вдогон. Что это?.. У обочины с перекошенным от отчаяния лицом Евгений Клевцов. В руках у него колесо… нет, не колесо, а крендель…

— Колесо! — отчаянно кричит Клевцов. — Скорее колесо!

Ближняя техничка — итальянская, нашей еще не видно.

— Колесо!!!

Машина круто тормозит. Итальянский механик протягивает Клевцову сверкающий никелем круг. Спасен.

Вот настоящая спортивная честь!

Поставить колесо — один миг, и Клевцов пускается в погоню.

Вот он нагнал еще двоих пострадавших. Теперь они преследуют лидеров втроем, выходя по очереди вперед. Так легче — первый грудью разрезает воздух.

Но расстояние сокращается медленно.

Столица польских текстильщиков Лодзь. Начиная с пригородов и до финиша несметное количество зрителей. Люди в окнах буквально лежат друг на друге, забиты балконы, сплошь «заселены» крыши домов, под гроздьями болельщиков гнутся деревья, мальчишки оседлали даже фонарные столбы. Троица самых отчаянных ухитрилась влезть на огромный рекламный щит у кинотеатра.

Гонщиков подбадривают криками, бросают на мостовую цветы…

Неужели столько людей может жить в одном городе?!

Поразительная картина.

А гонщики уже позади. Мы вышли вперед и принимаем теперь парад болельщиков, мчась на бешеной скорости к стадиону.

Первой вошла четверка велосипедистов, и в ней Клевцов! Он не только догнал лидеров, но и сумел уйти от них вместе с Адольфом Шуром (ГДР) и двумя итальянцами. И откуда берутся силы?..

Мой микрофон рядом с польским. Я захлебываюсь от надежд (помните, как с Немытовым в Берлине?), веду репортаж…

— Вот эта четверка! Клевцов здесь, он даже вырвался вперед… Они уже вдвоем с Шуром борются за финиш… Клевцов настигает Шура! Еще, еще немного!..

Шур! Клевцов! Полколеса решили победу… Ничего, это только начало, отличное начало!

Вслух прикидываю перед микрофоном возможности нашей команды. Сейчас должны финишировать Востряков и Колумбет…

Слышу, кто-то рядом громко говорит обо мне… Да это же Добровольский! Его команда еще не пришла, и он, заполняя время, рассказывает об успехе Клевцова, о том, как его коллега, комментатор Москвы, чуть не прыгает от радости у микрофона.

— Поздравляю! — кричит мне Витек.

Я на секунду подбегаю к его микрофону.

— Спасибо, Витек! Это очень благородно: волнуясь за своих, они уже близко, поздравить соперников с успехом… Вот идут!

— Идут наши польские парни! — подхватывает Добровольский.

А я — уже у своего микрофона — вижу только наши алые майки…

Второе место на этапе. Дело пошло!

И закрутились в мелькании спиц дни за днями. Радости и огорчения, надежды и разочарования, а все вместе-изнурительная и волнующая работа, итога которой не может предсказать никто.

Четвертый день. До Олимпийского стадиона во Вроцлаве остается пятьдесят километров. В большой головной группе неоднократный чемпион страны Ростислав Чижиков и новичок — Николай Колумбет.

Я вижу, как они медленно пробираются в голову гонки, идут рядом. Что-то будет!

Прошу шофера подъехать как можно ближе, сразу же за мотоциклистом, охраняющим лидеров.

Какое-то неуловимое смятение в группе, и два гонщика, резко рванувшись вперед, бросают свои машины вправо, затем — зигзаг

влево (чтоб помешать другим сесть им на колеса), стремительный рывок… Скорость! Скорость! Скорость!

Это Чижиков и Колумбет.

Все же еще два — чех и финн — успевают зацепиться за них. Побег удался.

Итальянцы, поляки, немцы ринулись их преследовать, группа распалась на несколько клубков.

Наша машина осторожно обходит велосипедистов. И мы в погоне за лидерами.

Но только нам удается достичь четверки. На автомобиле это намного легче.

Вот и Вроцлав.

— Ко-лум-бет! Ко-лум-бет! — скандирует стадион.

— …Впервые за три года спортивных боев, — это я кричу у микрофона, — советский гонщик увенчан лавровым венком победителя этапа. Душа этой победы — Ростислав Чижиков. Они сегодня вывели и нашу команду на первое место, и по сумме всех четырех этапов мы впереди! Завтра утром наши ребята выйдут на старт в голубых майках лидеров гонки!..

Какое же небывалое счастье вести такой репортаж! И в моих комментариях, как и в душе, — одни восклицательные знаки. Пусть попробуют сказать, что зря кричал у микрофона!

Поздним вечером вся команда слушает в отеле мой почти не сокращенный репортаж.

— Ну, брат, — говорит капитан, — если выиграем, и тебе дадим золотую медаль, здорово получилось.

— Так это не у меня, у вас получилось, — уточняю я.

В команде праздник. За победу на этапе вручены призы, а Колумбету — еще и именной торт, так заведено у наших ребят. И Москва, довольно сдержанная на похвалы, поздравила героев.

Пройдены Польша, Германия, остаются последние этапы на чехословацкой земле.

Основные претенденты на победу — советские и польские велосипедисты. Это не мешает их дружбе, как не мешает и нам с Добровольским поочередно поздравлять друг друга, вместе подсчитывая минуты, а случалось, и секунды, что выводят вперед то его, то мою команду.

А чемпионов мира и не видно. Дино Бруни уже на тридцать пятом месте.

События последних дней стали поистине драматическими.

Покинув цветущую долину, цепочка велосипедистов поднимается все выше и выше по мрачному, холодному ущелью. Начинается самый трудный горный этап — на Карловы Вары.

Вдоль обочин, на поросших лесом склонах тут и там еще

лежит плотный слой снега.

Надев на себя свитеры и плащи, мы мерзнем в открытой машине, а каково полураздетым гонщикам? И дорога сложная: то, стоя на педалях, ребята с трудом одолевают подъемы, то мчатся с высоты по крутым, закрученным в спирали спускам.

В горах признанные мастера — итальянцы, им и предрекали выигрыш финиша в Карловых Варах.

Как же были удивлены журналисты, да и судьи, увидев, что среди лидеров уверенно идут Вершинин и Востряков!

Карловы Вары. Небольшой, вытянутый вдоль предгорья курортный городок. Стадиона здесь нет, и финиш прямо на главной улице.

Среди зрителей есть и наши советские болельщики, отдыхающие в здешних санаториях. Они уже ждут у микрофона с табличкой «СССР».

— Как наши?

— Пока хорошо, Вершинин и Востряков — в голове гонки, и другие близко.

Это сообщение встречают аплодисментами. Люди оборачиваются, понимающе, хотя и не без зависти смотрят на нашу группу. Они надеются поздравить с победой своих, кстати очень сильных гонщиков.

Из другой машины выскакивает Шелешнев.

— Как?

— Пока хорошо. Боюсь за финиш.

— Почему?

— Опасно очень. Идет большая группа, а тут смотри, как узко, не было бы завала…

Проходит несколько томительных минут. Из-за поворота выкатываются гонщики. Идут слитно.

Как цветы на ветру, качаются в такт движению головы в шапочках всех тонов радуги.

Вот они, почти рядом. Среди первых вижу Вершинина, тут же и Востряков… Последние метры. Востряков зажат в середине, вырваться почти невозможно, а дорога каждая секунда.

И тут… кто-то падает прямо перед ним. Востряков, я вижу, рвет машину вверх — перескочить через упавшего, иного выхода нет. В этот же миг поднимается упавший гонщик. Что будет?! Не могу отвести глаз. Вздыбленная машина Павла со всей силы ударяется колесами в спину встающего, а сам Востряков, как из пращи, вылетает из седла и плашмя, всей грудью, падает на асфальт!.. Разбился?! Вскакивает, обезумевшим взглядом ищет свою покалеченную машину, хватает, бежит вперед. С машиной в руках можно финишировать.

— Павел! Павел, куда, хватит! — кричим все вместе.

К нему уже бросился Шелешнев, подбежали врачи.

Востряков даже не заметил, что в падении пересек меловую черту финиша.

Мне тоже хочется скорее к нему, но надо закончить репортаж.

Этот героически пройденный этап вернул нашей команде утерянное накануне звание лидеров гонки. Опережаем поляков на полторы минуты. Едва закончив работу, бегу в отель «Москва-Парк» к Вострякову. Побледневший Павел лежит в постели. У него забинтованы рука, колено, бедро, бок, болит грудь.

— Паша…

— Живой, — силится улыбнуться Вострякoв.

Тут же Виктор Вершинин. Они вдвоем в номере. Вдвоем они сегодня победили.

Виктор стоит, молчит, еще не разрядился.

— Так трудно, так трудно, сил просто нет! — вдруг выкрикнул он, бросился в постель и начал молотить ни в чем не повинные подушки, словно это были ненавистные горы.

— Ты пойми, — заговорил изливший свою злость на подушки Вершинин, — я лезу на гору и думаю: неужели бывает людям труднее?..

— А у меня так замерзли ноги, что только бы и согреться на подъеме, — включается в разговор Вострякoв, — а как вспомню, чего это стоит, так уж лучше померзнуть…

Смешно спрашивать Павла, больно ли ему. Конечно, очень больно, но как завтра?

— Пойдем, — просто отвечает Вострякoв.

Утром следующего дня на старте, как и обычно, — толпы людей. Хочется поближе рассмотреть героев гонки, их машины, подарить значок или открытку, сфотографироваться вместе со своим фаворитом.

Около нашей команды всегда много болельщиков, а теперь и того больше — ждут Вострякова.

Павел двигается с трудом, прихрамывает. Его велосипед ведет так называемый «опекун». Это очень хорошая выдумка — опекуны. По всей трассе каждого гонщика обязательно встречает на финише заранее прикрепленный к нему молодой спортсмен. Он же поневоле и болельщик своего подопечного, следит за его успехами с самого начала гонки, а уж после личного знакомства — тем более.

Финиш. Опекун, увидев свой номер, бросается к велосипедисту, принимает из его уставших рук машину, тут же заботливо накидывает плед (не простудился бы), дает напиться, отводит к умывальнику, проводит в отель — словом, сделает все,

чем может быть полезен товарищу.

Павел залеплен пластырем, ссадины густо замазаны йодом.

— Содруг, как? — участливо спрашивают из толпы.

— Молодец, Востряков! — приветствуют его советские «болельщики в квадрате» (так кто-то метко их окрестил — свои болезни лечат и за команду болеют). Они принесли цветы, предлагают, захваченные еще из дому сладости.

Утром на разборе у тренера, где обсуждался тактический план ведения борьбы на этапе, Вострякову поставлена задача только дойти, не думая о времени.

Стартуем. Команда наша идет, как задумано. Уже с половины трассы начинаются неприятности: главным образом проколы.

А Павел Востряков, как влился после старта в основную группу, так и идет. Не может он себе позволить «кататься», знает: все может случиться. И случилось!

К концу этапа неудачи так раскидали по трассе наших ребят, что только Павел один лишь смог стать тем третьим в зачете команды, чтобы она не потеряла звания лидера.

Часто пишут: «Забыв о своей боли…» Легко сказать, а вот как «забыть», преодолеть ее?

Востряков сумел. Услышав от тренера: «Паша, выручай!» — он еще увеличил скорость.

Попытка, еще одна, и он вырывается из большого клубка, увлекая за собой нескольких гонщиков из «неопасных» команд.

Надо нагнать группу, где идут основные конкуренты — поляки.

Нагнал да так зацепился за них, что те не могли освободиться от Вострякова до самого финиша.

Ребята не знали, как Павла отблагодарить, а он только отмахивался:

— Да ну вас, нежности разводить!..

А сам обнял очередного опекуна, чтобы не упасть от усталости, и жадно приник к фляжке с кофе.

Последний, решающий этап IX велогонки мира: Брно — Прага.

Теперь уже все журналисты, а ими набито несколько машин, так и вьются около головной группы.

Набрасываю в блокноте план итогового репортажа, вспоминаю основные события и в то же время не спускаю глаз с гонщиков. Наши впереди, и времени на репортаж мне не пожалеют.

В голове гонки Клевцов, в группе, что поотстала, — поляки и тоже наши: Колумбет, Чижиков, Востряков (!).

Этот день помню так, будто все происходило вчера.

На каждом этапе, чтобы сохранить высокую скорость, устраиваются промежуточные — «лётные» — финиши. За выигрыш — три солидных приза. Заманчиво!

На последнем этапе два таких финиша.

Подходим к первому. Что же Клевцов? Почему так спокоен? Его спутники рывком бросаются на штурм, а Клевцов даже не вступает в борьбу!

Мне обидно, но некому излить свое чувство — в машине нет никого из наших советских журналистов.

«Нет сил, бережет себя», — подумалось тогда.

И на втором финише повторилась та же картина. Хорошо хоть, не отрывается Клевцов от лидеров, держится.

До Праги шестьдесят километров. На обочину съезжает Чижиков — прокол.

Сорок километров до финиша. «Завал!» Снова сшибают избитого Вострякова, его машина искалечена.

— Машину! Машину! — потрясает кулаками Павел.

К счастью, наша техничка рядом. Но как только поляки увидели, что в группе остался всего лишь один Колумбет, они тут же сильно прибавили скорость. Это последняя возможность вырвать у нас победу. Накануне они проиграли сразу десять минут, но такое может повториться и с нами.

Мы медленно проезжаем мимо Вострякова, и уже не только я, даже иностранные журналисты подбадривают спортсмена, завоевавшего своим мужеством всеобщее уважение.

Неужели упустим победу?! Где же Вершинин, Чижиков?

Уговариваю коллег остановиться, чтобы увидеть положение на трассе. Согласились.

Смотрю на часы. Ужасно! Разрыв уже больше трех минут.

Вот они наконец!

— Ребята, надо работать: Павел отстал — завал! — кричу им что есть мочи.

Слышали или нет?.. Им еще подскажут, наверное, из технички, хотя она тоже не может отставать-надо страховать идущих впереди.

Едем, снова обгоняем Вершинина и Чижикова.

Опять кричу. Кажется, Виктор кивнул головой?

Нагоняем Вострякова. Какой же он героический парень — вот-вот достанет головную группу…

Пока мы мотались по трассе, приблизился финиш. Пора в Прагу.

…Колумбет на месте, хорошо идет Клевцов. Он все еще в группе лидеров, почти двести километров возглавляет гонку.

— Женя, милый!..

Снова стадион. У моего микрофона заботливо приготовлена подставка, чтобы лучше был обзор.

— Поздравляю! — говорит техник.

— Спасибо, рано еще. Можно начинать?

— Все готово.

По радио сообщают: впереди чехословацкие гонщики Кршивка и Чохой.

Какой овацией ответил на эту весть стадион! Я даже не слышу себя… А Клевцов?..

— …Только что передали по радио — впереди два чехословацких гонщика. Они уже на улицах Праги, за ними должен идти Клевцов, но где же он?..

И тут в мой репортаж включается диктор стадиона:

— На подъеме советский гонщик Клевцов нагнал Кршивку и Чохоя, они вместе идут к стадиону.

— Вы слышали, поняли? — продолжаю репортаж. — Наш Клевцов сейчас будет на стадионе вместе с двумя чехословацкими велосипедистами!

Вот они проходят ворота… Нет, не все — всего лишь один. Не вижу, кто… Кто же?..

Клевцов!

Евгений Клевцов выигрывает последний этап! Кршивка и Чохой уже не смогут его достать, не смогут! Финиш!!!

Как я ошибся, думая, что у Клевцова нет сил! Он расчетливо берег их для последнего, решающего броска и победил!

Но где же остальные? Клевцов принес команде драгоценное время, лучшее время этапа, его не так много в запасе у команды.

Пока не пришли соперники, еще ничего нельзя сказать. Но появляется большая группа; там должны быть польские гонщики, не знаю сколько, и наш Колумбет…

Групповой финиш. Один Колумбет здесь! А поляки? Сколько их пришло в группе?.. Один… Еще двое! Все, есть зачет!

Кто будет третьим у нас? Должен быть Востряков. Да, снова судьба команды в руках Павла Вострякова!.. Запас времени тает на глазах.

Судьи смотрят на секундомеры, журналисты, мой коллега Добровольский…

Вот уже съедено время, выигранное Клевцовым, остается всего восемь минут… Где Востряков? Почему же молчит радио на стадионе?.. Осталось семь минут…

Неужели проиграем? Нет, не может быть, мы верим Павлу, он дойдет, не сдастся. Остается шесть минут.

Востряков… Востряков… Всего только пять минут… Вот он! Идет!.. Павел, родной, давай!!!

Финиш! Победа!

Советские велосипедисты — чемпионы IX гонки мира! Слава чемпионам!

Завоеваны золотые медали, победа на этапе, и наш Николай Колумбет бронзовый призер в личном зачете — третье место!..

Не знаю, хорош ли был репортаж, но для меня он один из самых счастливых.

И своего обещания не забыли ребята: из врученных команде ыедалеп одну торжественно подарили и мне.

Я рассказываю о спортсменах, которые теперь уже сами не участвуют в соревнованиях, но это не значит, что они должны быть забыты. Вообще очень скверно, что мы, журналисты, часто расстаемся со своими героями, когда они уступают место молодым.

Без прошлого нет будущего.

Эти ребята тоже вплели золотую нить в огромный лавровый венок побед и достижений советского спорта. Недаром же все они заслуженные мастера, растят новую смену.

Я же горд, что подружился с ними, болел за них и хоть немного поддерживал боевой дух, вызывая репортажами уважение к их спортивному подвигу, интерес и симпатии миллионов соотечественников.

Рад, что «сидел у них на колесе», и очень хочется вновь побывать на гонках.

Ошибка в энциклопедии

Участие в IX велогонке мира подарило мне радость неожиданного, большого открытия. И здесь все началось с радио.

Когда к исходу дня завершаешь работу в аппаратной, каждый раз нового радиодома, то не жди, чтобы тебя без расспросов и дружеского застолья отпустили в отель.

Варшава в этом смысле не была исключением. Не знаю уж, как это произошло, но товарищи из польского радио знали, что я недавно вернулся с Северного полюса, и, естественно, больше всего говорилось о жизни на льдине, арктических перелетах.

— Скажите, — спросил меня редактор русского отдела Станислав Коженевски, — а вам знакома фамилия Нагурского?

— Конечно! Это русский офицер, если не ошибаюсь, поручик по Адмиралтейству, знаменитый авиатор. Вы о нем спрашиваете?

— Да, да, — оживился Станислав, — именно.

— В энциклопедии написано, что Нагурский — отец полярной авиации, что он первым в мире отважился летать во льдах… Искал экспедицию Седова, потом — война, и он погиб.

— Погиб? — как-то многозначительно переспросил собеседник. — Вы уверены в этом?

Разговор становился более чем странным. Я твердо знал, что этого замечательного летчика нет в живых, что его именем названа у нас одна из полярных станций.

— Единственно, что могу еще сказать: о его полетах да и о нем самом очень мало материалов, я специально интересовался. У вас, наверное, есть Большая советская энциклопедия?

— Конечно! Хотите, принесу? — И Станислав стремительно вышел.

— Может быть, у вас в редакции есть какой-нибудь новый материал о Нагурском? — спросил я сидевшую рядом сотрудницу русского отдела.

— Не знаю. К стыду своему, впервые слышу эту фамилию, хотя она польская, — смутилась сотрудница.

Вот в чем дело! Я никогда не задумывался о национальности Нагурского. Возможно, он и в самом деле поляк, служивший в царской армии, а Станислав нашел здесь либо родственников, либо неизвестные документы о его смерти.

Вернулся Станислав и, по-прежнему загадочно улыбаясь, положил передо мной синий том энциклопедии.

Читаем. Вокруг нас уже целая группа журналистов, почувствовавших некую сенсацию.

«**Нагурский Иван Иосифович** (1883–1917) — русский военный летчик, совершивший первые полеты в Арктике на самолете в 1914 году в поисках русских арктических экспедиций Г. Я. Седова, Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова. Нагурский совершил (с Новой Земли) на гидросамолете пять полетов, во время которых достиг на Севере мыса Литке и удалился к северо-западу на 100 км от суши. Нагурский находился в воздухе свыше 10 часов и прошел около 1100 км на высоте 800–1200 м. Нагурский указал на возможность достижения Северного полюса на самолете».

— Вот материалы о том, как он мыслил полет к полюсу, я и искал.

— Ладно, не буду вас мучить, получайте подарок. — И Станислав дружески хлопнул меня по плечу. — Я познакомлю вас с Нагурским!

Все, в том числе и я, разинули от удивления рты.

— С кем?!

— С Яном Нагурским.

— С братом его, что ли? — пробормотал я.

— А вот послушайте, что произошло. В варшавском Дворце науки и культуры был большой вечер творческой интеллигенции. Пришел туда и наш известный писатель Центкевич. Он в прошлом участник русских полярных экспедиций, автор книги об освоении Севера. В ней также была рассказана уж слишком короткая история полетов Нагурского. В антракте к писателю подошел какой-то мужчина:

«Простите, я ваш читатель, хотел бы познакомиться. Моя фамилия Нагурский».

«Очень рад, очень рад… Простите, вы сказали — Нагурский? Уж не родственник ли вы известного в свое время летчика, он еще участвовал в поисках Седова, русского моряка, путешественника…»

Незнакомец выслушал всю эту тираду и ответил:

«Вы правы, родственник, и очень близкий. Я и есть летчик Ян Нагурский».

Что тут началось!..

Началось и у нас. Перебивая друг друга, мы требовали подробностей: как же могло произойти, что человека заживо похоронили, а он молчал целых сорок лет? Фантастика!

— Да я сам только что узнал об этом. Вчера виделся с Нагурским, он будет выступать у нас. Договорились. Это такая история!.. Ну, Юрий, принимаете подарок?

— Боже мой! Принимаю ли я такой щедрый, просто царский подарок?! Но гонка завтра стартует из Варшавы. Когда же я увижу мифического летчика?

— Не волнуйтесь, завтра в восемь часов утра вы встретитесь с ним у нас в редакции.

Если можно осчастливить человека, не просто человека, а журналиста, то большего и не придумать — подарить сенсацию!

Влюбленные не ждут так, как ждал я этого свидания.

…В комнату входит высокий, слегка сутулящийся мужчина в коротком синем спортивном полупальто. В светлых, коротко стриженных волосах почти не видно седин. На овальном сухощавом лице выделяются большие внимательные глаза. Высокий, открытый лоб.

Я успеваю заметить, что Нагурский взволнован: вздрогнули при рукопожатии его сухие, крепкие пальцы.

Впрочем, как не понять состояния этого человека. Я еще не знаю всех обстоятельств его «исчезновения». Но просто ли воскреснуть из безвестности, вновь после целой жизни оказаться в центре внимания прессы, впервые подойти к микрофону?..

И мне необходимо это учесть при записи его выступления. Я должен увезти на пленке обращение Нагурского к полярникам, к народу страны, где он совершил свой подвиг, страны, ставшей его второй родиной…

Сначала я хотел побеседовать с ним перед микрофоном, но, подумав, понял, что могу неосторожным вопросом, даже невольной бестактностью от незнания его судьбы обидеть человека, заставить его замкнуться. Лучше просто поговорить, а еще вернее — послушать, что при первой встрече захочет рассказать мне Нагурский.

Решение оказалось правильным. Изредка, очень осторожно, я помогал «раскрутиться» нелегким воспоминаниям Яна Иосифовича. Запись выступления, которую мы сделали после, потребовала от Нагурского напряжения всех сил, хотя говорил он менее двух минут и русский язык не забыл.

Для семидесятилетнего человека не прост такой крутой поворот судьбы.

Сообщение о Нагурском и его выступление прозвучали в «Последних известиях», в журнале «Огонек» был помещен мой очерк, а в конце июля вместе с полярниками, пригласившими ветерана русской авиации в Москву, я встречал Яна Нагурского на Внуковском аэродроме.

До его приезда я успел побывать в Ленинграде, где целые дни пропадал в Военно-морском архиве.

Кому не знакомо ходячее выражение «архивные крысы»? Кто,

когда так оскорбительно и несправедливо окрестил великих, безвестных тружеников?

Ведь это их заботами сохраняется история государств и народов. В документах, покрытых поэтической пылью веков, живут, не умирая, бесценные, неподкупные свидетельства больших и малых событий.

Я понял это, попав впервые в архив. Предо мной толстенные, отнюдь не запыленные папки с материалами об экспедиции Седова, дела Главного гидрографического управления.

Лихорадочно просматриваю, листаю разноцветные листки рапортов, донесений, официальных и частных писем… Тоненькая малиновая папка. Открываю. Личное дело Нагурского!

Тут же копия доклада морского министерства России царю о полетах Нагурского, а в личном деле летчика каллиграфическим почерком выведено, что на докладе «Государь Император соизволил начертать: „Прочли с удовольствием“ — и поставить знак рассмотрения».

В графе награды — удостоен ордена Св. Анны, а потом еще ордена — один, второй, третий — за боевые отличия в сражениях с неприятелем.

Казенное личное дело читаю, как роман. Оживает все, рассказанное мне Нагурским.

Вот он командует воздушными отрядами Балтийского флота. Как удивительны названия летных подразделений: «Люди», «Есть».

Перечитываю, делаю выписки, снова роюсь в бумагах.

А вот и рапорты самого Нагурского. Нужно переписать.

Документов в папках множество, и все это так интересно, что невольно читаю другие, совсем не имеющие отношения к моему герою.

Разве пройдешь мимо прошений и рапортов самого Седова об организации экспедиции, его тревог из-за нищенского снаряжения, жалоб на проволочки? И тут же хладнокровные, порой издевательские отписки чиновников.

Я тщательно просматриваю дела Управления морской авиации. С понятным волнением читаю боевые донесения Нагурского. Серая канцелярская книга заполнена записями контрольных постов Балтфлота о пролетевших самолетах. Снова встречаю имя Нагурского, день и час вылета его отрядов.

Наконец послереволюционные документы штаба, и снова Нагурский, теперь уже в должности «делопроизводителя» штаба…

В моих руках небывалое богатство!

Копии найденных документов я торжественно вручаю Нагурскому.

В первый же свободный вечер мы разбираем найденные мною свидетельства, продолжая разговор, начатый еще в Варшаве.

В поисках материалов о Нагурском я просмотрел множество журналов и газет тех лет. Среди обилия выписок была и такая: «… Первый полет аэроплана в России состоялся в 1909 году. Французский летчик Легонье на биплане Вуазена демонстрировал свое мастерство на „военном поле“ в Гатчине… Биплан, загребая воздух, понемногу оторвался от земли и под ловким управлением летуна полетел, как стрекоза. Легонье с трудом удалось только два раза пролететь до двух верст по прямой на небольшой высоте; ему пришлось прекратить свой опыт на втором полете, при котором ветер пригнул его к земле, заставив спуститься на болото. Не обошлось и без несчастья: аэроплан увяз в болоте и слегка поломался, а пилот Легонье, выброшенный из аэроплана, зашиб колено».

И вот теперь я показываю это свидетельство Нагурскому. Мне, бывшему летчику, особенно интересно узнать, как попадали в те годы в авиацию, как обучались. Из личного дела Яна Иосифовича я знал, что после окончания в 1909 году Одесского юнкерского пехотного училища он был выпущен подпоручиком в 23-й Восточно-Сибирский полк, квартировавший в Хабаровске. А потом?..

— Вот этого «потом», — смеется Нагурский, — у меня в ту пору и не было. Человеку не родовитому, пехотному фендрику в захолустном полку никаких перспектив не открывалось. Единственная возможность чего-то добиться — учиться дальше. Уже через год я выхлопотал себе длительный отпуск и уехал в Петербург, где удалось поступить в Морское инженерное училище на отделение судовых механиков. И тут увидел полеты…

— Вроде такого, как Легонье?

— Так ведь тогда все только начиналось, но уже летали русские летчики, открылся императорский Всероссийский аэроклуб. А я был покорен совершенно…

Добившись зачисления в аэроклуб, Нагурский быстро овладевает примитивной (а значит, весьма ненадежной и опасной) техникой, сдает экзамен на звание «авиатора»; два полета по замкнутому кругу «без прикосновения к земле» и еще один «на высоте не ниже пятидесяти метров».

Тем временем в Гатчине открывается военная авиационная школа. Там уже были новейшие самолеты, более серьезная программа.

В 1913 году поручику Нагурскому присваивается звание военного летчика.

Почти в то же время русскую общественность взволновало

исчезновение трех полярных экспедиций: лейтенанта Георгия Седова, геолога Владимира Русанова и лейтенанта Георгия Брусилова.

Для их поисков снаряжаются экспедиционные корабли, и решено впервые использовать самолеты. Нагурский, уже успевший обратить на себя внимание, приглашен занять должность летчика.

Заказанный во Франции самолет «М. Фарман» Нагурский испытал там же. Самолет разобрали, запаковали в ящики и в конце концов погрузили на борт спасательного судна «Печора».

21 августа 1914 года. Новая Земля. В заливе Крестовая Губа собран и опущен на воду ярко-красный маленький аэроплан. Моряки «Печоры» да четверо местных жителей становища Ольгино провожают Нагурского в первый полет. Летчик уже в кабине. Четко рокочет мотор. Механик Кузнецов занимает место позади пилота. Гидроплан легко бежит по воде, оставляя позади вихрь водяных брызг, и под крики «ура» отрывается от воды.

Нагурский смотрит на часы и прямо на карте записываем «4 часа 30 минут».

Так начался первый в мире арктический перелет. Курс на север — вдоль берегов Новой Земли. Где-то в этих краях обрывается след Седова.

Самолет, набрав высоту около километра, летит со скоростью сто километров в час. Термометр, прикрепленный к стойке, показывает минус пять градусов. Видимость отличная. Темной изломанной чертой уходит на север береговая линия, влево до самого горизонта — великий Ледовитый океан. Белыми островами плывут ледяные поля, забиты льдом проливы между островами, вечным белым панцирем покрыта большая часть Новой Земли…

Внизу под крылом Горбовы острова. С вершин дальних гор и до самого моря протянулся огромный ледник и, обломавшись у кромки воды, навис над нею гигантской ледяной стеной. Освещенная солнцем, она кажется прозрачной. Зеленоватая вверху, ниже стена чисто голубая, а у самой воды ярко-синего цвета.

Фантастическое зрелище! Первые полярные авиаторы потрясены невиданным миром чудес, открывшихся им с высоты птичьего полета.

Поймав себя на том, что, завороженный красотами, он начинает забывать о цели полета, Нагурский убирает газ и, обернувшись, кричит Кузнецову:

— Внимательно смотри за берегом!

Долетев до Панкратьевых островов, где, как известно,

зимовал Седов, Нагурский начинает выбирать место для посадки. В этот район должно подойти второе экспедиционное судно «Андромеда», доставить горючее, которое уже подходит к концу.

Снизившись, летчик старается найти для посадки ровную ледяную площадку или открытую воду… Но только у мыса Борисова блеснула полоска чистой воды.

Высокий скалистый берег неприветлив. Вдоль берега торчат из моря длинные каменные гряды, но выбора уже нет. Посадка.

Самолет медленно рулит к берегу. Неожиданно сильный толчок — и машину резко кидает влево.

— Кузнецов! — кричит Нагурский.

Но механик уже выскочил из кабины. Оба смотрят на левый поплавок. Механик ощупывает рукой скрытое водой днище.

— Пробоина, ваше бродие…

— Большая?!

— Вроде не очень.

К счастью, место здесь неглубокое. Кузнецов уже в воде, она ему едва выше колен. Следом вылезает Нагурский.

Осторожно ощупывая дно, они подтягивают аэроплан к берегу и крепят канатами за острый выступ скалы.

Присев на теплый, согретый солнцем камень, Нагурский записывает результаты полета. Он продолжался четыре часа двадцать минут, пройдено почти четыреста пятьдесят километров!

«Андромеды» все еще нет. Над костром, разожженным из плавника, Кузнецов повесил чайник, набитый снегом, открыл консервы.

Оба настолько утомлены, что почти не разговаривают. Молча перекусили и заснули тут же, у костра.

Проснувшись, они с трудом вытащили самолет на большой камень и начали чинить поплавок Резиновую заплату закрепили куском белой жести от консервной банки.

«Андромеды» все еще не было. Время шло к ночи. Нет горючего, нет масла, и они прикованы к этому скалистому, безжизненному мысу.

Нет, не безжизненному. На выступе прибрежной скалы появился огромный белый медведь и с интересом рассматривал невиданных пришельцев.

Нагурский схватил лежавшую рядом винтовку, благоразумно прихваченную из самолета, стал на колено, прицелился…

Раненый зверь рванулся вперед. Еще выстрелы, и медведь упал в море. Пока авиаторы вытаскивали на берег тушу, подошла «Андромеда».

Фотоснимок, запечатлевший Нагурского на палубе корабля

возле шкуры освежеванного медведя, — один из немногих документов этой небывалой воздушной экспедиции.

Рассказ Нагурского о состоянии льдов оказался весьма полезным капитану Поспелову, первым оценившим возможности ледовой разведки с воздуха.

Снова полеты. Нагурский в поисках судна Седова «Св. Фока» обследует весь ближний район. На острове Панкратьева, где раньше перезимовал Седов в пустом складе, Нагурский решает оставить горючее и масло.

— Ведь прилетят сюда когда-нибудь другие люди, — говорит он капитану Поспелову. — А вдруг в беду попадут!

В запаянной банке, которую помещают в высокий знак, увенчанный крестом и хорошо видимый с моря, записка:

> «В губе, находящейся на юго-западном берегу Заячьего острова, при устроенном складе оставляется одна металлическая бочка бензина (10 пудов) и бидон гарголя (4 пуда). Назначение их авиационное. Кто сюда прилетит и окажется без горючего, может воспользоваться этим запасом. Участвуя в экспедиции для поисков старшего лейтенанта Седова, прилетел сюда из Крестовой Губы на гидроплане системы „Фарман“. 11 августа 1914 года.
>
> *Военный летчик Нагурский».*

Во время ремонта мотора на Большом Заячьем острове Нагурский с моряками добрался до старой избушки, поставленной еще норвежскими моряками. Там они нашли на столе запаянную круглую коробку и рядом записку: «Прошу вскрыть». Там оказались аккуратно сложенные карты, две записки на русском и французском языках, оставленные Седовым ровно год назад. Там же сообщалось, что «экспедиция вышла на землю Франца-Иосифа, к мысу Кап-Флора».

На одной из стен была прибита железная доска с именами моряков, которые были Седовым отравлены с донесением и жили здесь несколько месяцев.

Тем временем к «Андромеде» подошло другое судно, «Герта», где находился начальник всей экспедиции капитан первого ранга Ислямов. Они пришли с мыса Кап-Флора, где узнали печальную весть о гибели Г. Я. Седова.

Совершив еще ряд полетов на ледовую разведку, Нагурский погрузил свой аэроплан на корабль и отправился в обратный путь.

Шла первая империалистическая война, и опытный летчик

должен был занять свое место в строю.

И еще одним подвигом, мало кому известным, вписано имя Нагурского в историю мировой авиации.

В те годы, когда русский летчик Нестеров первым совершил свою знаменитую «мертвую петлю», получившую имя петли Нестерова, считалось, что на гидросамолетах — летающих лодках с установленным позади мотором — совершить подобную фигуру немыслимо: верная гибель.

17 сентября 1916 года на острове Эзель, где стоял отряд лейтенанта Нагурского, он на летающей лодке «М-9» дважды выполнил петлю. Изумлению и восхищению подчиненных ему морских летчиков не было границ.

Сравнительно недавно удалось найти документы, хранившиеся в Государственном архиве: сообщение комиссара императорского Всероссийского аэроклуба Василия Карпа от 31 января 1917 года о том, что «лейтенант флота Нагурский на гидросамолете „М-9“ с полетным весом около ста пудов совершил две мертвые петли».

Этот полет был официально утвержден как мировой рекорд для гидросамолетов, о чем свидетельствует запись в журнале аэроклуба от 12 ноября 1916 года.

Итак, Нагурский не только первый полярный летчик мира, но и первый обладатель мирового рекорда по высшему пилотажу на гидросамолете.

Все рассказать невозможно, да это уже сделано мною в документальной повести «Он был первым».

Вам же я обязан ответить на вопрос, как случилось, что человека похоронили заживо.

…Осень семнадцатого года. В балтийском небе двенадцать летающих лодок под командованием лейтенанта Нагурского. Им навстречу — группа немецких «Таубе». Завязывается воздушный бой. На самолет командира бросились сразу четыре немецких. Лейтенант — мастер воздушного боя, недаром он первым в мире сделал на гидросамолете нестеровскую петлю. Но один против четырех! Уже пробито крыло, заглох мотор, пуля впилась в ногу… Беззащитный самолет опускается на воду. Остервеневшие боши расстреливают израненную машину, экипаж, покинувший самолет.

Русские летчики, уцелевшие в этом неравном бою, вернувшись на базу, подали рапорт о гибели командира. Никто не видел, что Нагурского и его механика подобрала вынырнувшая из воды подводная лодка. Тем временем извещение о гибели авиатора пошло в маленький польский городок Влоцлавек.

Мать героя, Анеля Нагурская, получив скорбную весть о

трагической судьбе своего первенца, умирает…

Вернувшись из госпиталя, Нагурский продолжает службу в Управлении морской авиации, по ничего не может узнать о своих родных, живущих в Польше — за пределами Советской России. Уволившись из штаба, он долго добирается до родительского дома, где его ждут горькие вести и нелегкие испытания. Вернуться в Россию он уже не смог, но и воевать против своей второй родины на стороне панской Польши противно его убеждениям.

Строго предупредив родных, чтобы никому не рассказывали о его прошлом, Нагурский, регистрируясь в полиции, в графе «служба в армии, должность и звание» записывает: «нижний чин».

Знакомые устраивают его на маленький сахарный завод.

Так затерялся след Нагурского.

Шли годы, никому в Польше не было дела до скромного инженера, никто не подозревал в нем отважного летчика, пионера полярной авиации.

А потом снова война, годы фашистской оккупации и посильной борьбы с врагом, счастливые дни встречи с русскими воинами-освободителями.

В новой народной Польше Нагурский уже руководит крупным отделом конструкторского бюро все в той же промышленности сахароварения.

Конечно, авиация, Арктика памятны и дороги по-прежнему. Особенно бередят душу всё новые и новые сообщения о полетах советских авиаторов к Северному полюсу, открытие дрейфующих станций в Ледовитом океане.

Как хотелось бы написать этим героям! Ведь они даже назвали его именем одну из полярных станций — «Нагурская». Хорошо бы увидеть старых знакомых…

Но о нем говорят как об умершем…

— Каково это — взять да и заявить: вот я, такой-то герой, жив, здоров и хочу получить свою долю почестей. Невозможно было это, — объяснял мне Нагурский. — Сам не знаю, как решился подойти к Центкевичу, но очень уж было обидно встретить человека, который написал, что ты мертв.

— А если бы не эта случайность? — спрашиваю Яна Иосифовича.

— Наверное, никогда не бывать бы мне в дорогой России…

— Ян Иосифович, а как искать Кузнецова? Никаких следов нет…

— И я ничего не знаю о его судьбе… Вы уж постарайтесь, пан редактор.

Нагурский все еще называет меня на польский манер.

О Кузнецове разговор особый, и кто знает, вдруг не бесполезный?

Механик Кузнецов, черноморский матрос первой статьи, — такой же пионер освоения Арктики, как и Нагурский.

Для участия в экспедиции механика искали повсюду: в России, во Франции, Норвегии. Никто не соглашался взять на себя такую трудную и небезопасную обязанность.

Наконец нашелся доброволец — матрос Кузнецов.

Это его руками был собран на Новой Земле самолет «Морис Фарман», он же отправился с Нагурским в первый полет во льдах.

Кузнецов — первый полярный механик мира.

Но, вернувшись из экспедиции, он не удостоился благодарностей, орденов, даже суточных денег не получил.

«Оставить без последствий», — сердито черкнул на специальном рапорте Нагурского надменный адмирал. Я видел этот рапорт.

Затерялся в царской России полярный Левша, не только незаурядный механик, но и превосходный человек.

Много в России Кузнецовых, может быть, где-то в семейных альбомах хранится фотография черноморского матроса, передаются от деда к внуку рассказы об удивительных приключениях моряка.

Вдруг да и попадет моя книжка в руки этих Кузнецовых! Или вы расспросите своих знакомых-однофамильцев героя.

Поиски Кузнецова продолжаются.

Ком в горле…

Самые «беззаботные» люди в редакции — спортивные репортеры. Им откровенно завидуют. Я тоже. Они ходят на все футбольные матчи, сидят в специальной ложе прессы, они непременные свидетели всех интереснейших соревнований, международных встреч.

В нашей редакции их трое: Вадим Синявский, известный динамовский футболист Виктор Дубинин и молодой спортивный хроникер Шамиль Мелик-Пашаев, весьма темпераментный юноша, признанный острослов.

Самые молодые по стажу и возрасту Владислав Семенов и я тяготеем к спорту.

Мы неотступно следуем за Синявским, счастливы, когда удается посидеть с ним рядом в застекленной комментаторской кабине или в заветной ложе прессы.

Синявский здесь свой человек, со всеми на «ты». Его похвалой во время передачи футболисты весьма дорожат, но и обижаются, если узнают после игры об упреке, который всегда кажется несправедливым.

Заходим в судейскую. Комментатору нужен протокол. В нем заявленные на игру составы команд. Синявский записывает на маленькой карточке фамилии игроков, располагая их под номерами в соответствующих линиях: нападение, полузащита…

В комментаторской кабине Вадим сверяет свои часы-хронометр и кладет их перед собой.

— Станции у нас, — докладывает техник.

— Говорит Москва! Микрофон редакции «Последних известий» на московском стадионе «Динамо». Сегодня…

Неужели и я когда-нибудь произнесу отсюда эти слова?!

В моем активе уже первые спортивные репортажи с кросса, велотрека. Что-то получается. Конечно, все они делались в записи на ленту, потом монтировались и только после этого шли в эфир.

Помню, как озадачил меня впервые увиденный мотобол — футбол на мотоциклах. Я долго не мог постичь закономерностей этой игры, где в диком реве моторов, рискуя свалить друг друга, отчаянные люди передними колесами своих машин гоняли по площадке огромный кожаный мяч. Несколько раз включал и выключал магнитофон, чувствуя, что не могу передать своеобразие происходящего. С большим трудом склеил потом из разрозненных записей подобие репортажа.

Желание попробовать силы приводило меня то на ипподром, то к боксерскому рингу.

— Займись техническими видами спорта, — советует Синявский, — авиация — твое, кровное, потом велосипед, мотоцикл…

А я мечтал о самом сложном, о самом высшем — о футболе. Сидя в ложе, пытался шепотом вести репортаж; забираясь в пустую кабину, уже громко повторял тот же опыт.

Прошло какое-то время, и я робко попросил Синявского разрешить мне провести пробный репортаж о футболе в записи на пленку.

— Попытайся. Только не вздумай вести целый тайм — не выдержишь. Последние пятнадцать минут. Вполне достаточно.

В один из ближайших дней, когда транслировался лишь второй тайм, Синявский усадил меня в свою кабину и, словно угадав мою немую просьбу, вышел.

И вот я один. Передо мной точно такой же листок с фамилиями игроков, сняты с руки часы. Подав аппаратной команду: «Мотор!», начинаю репортаж.

Я люблю и, кажется, понимаю футбол, знаю игроков, специально штудировал правила, но включенный микрофон сразу рождает чувство высочайшей ответственности. Пусть это только репетиция, но я подсознательно боюсь оговориться и, конечно, без конца оговариваюсь, боюсь перепутать фамилии футболистов и путаю, а при самом явном нарушении мне страшно предположить, штрафной назначит судья или свободный?

И пиджак я снял, и ворот рубашки расстегнул, и, как Синявский, приготовил боржом, только ничего не помогает. Пот градом, язык сухой, вот-вот прилипнет к гортани.

— Стоп! — командую аппаратной, где ведется запись. И уже умоляюще прошу невидимого оператора: — Сотрите репортаж.

Пусть никто не знает о моем позоре.

— Ну как? — спрашивает Синявский.

Мне сдается, что он лукавит: ведь зачем-то заходил он к техникам и брал наушники. Однако признаюсь:

— Не получается.

— Это от волнения, — успокаивает Вадим, — другой раз получится.

Предстоящий репортаж репетировал дома, стараясь поизящнее включить в предполагаемые события сделанные мною выписки.

Заполучив редакционный служебный пропуск «Проход всюду», гордо предъявляю его стражу у входа в раздевалку. Само собой разумеется, что приехал задолго до начала матча. Толкаюсь в раздевалке, к футболистам подходить робею — они же меня не знают. Бочком протискиваюсь в судейскую — посмотреть

протокол.

— А кто сегодня ведет репортаж, Синявский пли Дубинин? — спрашивает один из судей, полагая, что я прислан кем-нибудь из них.

Чувствую, как заливаюсь краской, с трудом выдавливаю:

— Я…

— Вы?! — искренне изумляется судья, протягивая протокол.

Я готов провалиться сквозь землю, но испиваю чашу унижения до дна, ощущая на себе недоуменные взгляды, пока переписываю составы команд.

Уже не так гордо, как представлялось в мечтах, поднимаюсь к нашей кабине.

И вот репортаж начат. Бодро произнесены первые фразы, названы составы команд и счет, а потом… К горлу подкатил какой-то огромный ком, и, онемев от изумления и страха, я просто не мог вымолвить ни слова.

Пауза, как выяснилось после, оказалась не такой уж долгой, но мне чудилось — минула целая вечность, прежде чем я смог продолжать:

— Справа от нас ворота «Спартака», слева — «Локомотива»…

На мое счастье, в этот момент мяч ушел в аут, и, взглянув на часы, я сообщил, что до конца встречи остается двенадцать минут.

Игра была не очень интересной, ничего уже не решавшей, но я начал усердно «гоняться» за мячом, хотя внутренне чувствовал несоответствие своей горячности происходившему на поле. Первая же оговорка сразу сковала, и, сам того не замечая, я чаще, чем нужно, сообщал, сколько осталось до конца игры, будто вел не спортивный репортаж, а представлял в эфире службу времени.

От волнения, а еще больше неумения ни одна из блестящих цитат, заготовленных заранее, так и не была обнародована. То нагнетая голосом несуществующее напряжение, то что-то промямлив в острый момент игры у ворот, я кое-как довел передачу до финального свистка.

Воспрянув духом, я сообщил, что передача была организована редакцией «Последних известий», вел передачу…

Существует правило: все эфирные репортажи для контроля записываются на пленку.

На следующий день при участии Синявского и Дубинина состоялось прослушивание моего вчерашнего труда.

— С часами вы, старик, работаете хорошо, — «утешил» главный. — Сразу видно, что больше всего комментатор ждет конца матча. Это вряд ли понравится болельщикам. Потом, кроме фамилий игроков, владеющих мячом, им хотелось бы видеть,

понимаете, видеть ход игры…

Я все понимал, тем более теперь, услышав себя как бы со стороны.

Меня не ругали, даже, отмечая ошибки, умудрялись находить какие-то проблески, давали советы на будущее. Все замечания были справедливыми, но что-то в тоне главных футбольных специалистов все же задело…

Очень трудно отказываться от мечты, да еще когда она почти осуществилась. И хотя меня вставили в расписание, больше футбола я не комментировал. Но не один же футбол на свете! Велосипед по-прежнему оставался моей «монополией».

Вскоре «рана» зарубцевалась, и мы вдвоем с Синявским сделали весьма неплохой репортаж с первенства страны по шахматам. Сочетание опыта Вадима, его давней привязанности к шахматам с искренним интересом к происходящему молодого репортера удачно сплавились воедино. Мое чисто зрительское описание атмосферы чемпионата обогащалось точными и тонко подмеченными Синявским деталями, его короткой и остроумной беседой с Ботвинником. Главное же, что вообще делает интересной работу вдвоем, — умение партнеров понимать друг друга с полуслова, в любой момент подхватить и развивать удачно найденный товарищем поворот репортажа, должным образом отреагировать на неожиданно поданную коллегой реплику.

У нас получалось.

А раз так, мы решили продолжить опыт работы вдвоем и поехали на репортаж о юбилейном двухтысячном парашютном прыжке.

— Сначала, — предлагает Синявский — мы вместе рассказываем об обстановке, о самом Георгии Жданове, вместе и побеседуем с ним перед прыжком. Потом один из нас полетит, сделает репортаж в самолете до прыжка, а ты подхватишь с земли…

— Наверное, мне лучше в самолете?

— Нет, ты летчик, а я расскажу об этом как земной человек, такой же, как слушатели. Им интереснее, согласен?

— Любопытно. А потом так: пока я рассказываю, как распустился парашют, как все мы тут волнуемся, как приземлится Жданов, ваш самолет уже сядет, и мы вместе зададим Жданову те же вопросы, что и перед прыжком. Ответы-то разными будут, даже настроение почувствуется.

— Дело. Договорились.

И вот мы едем на один из подмосковных аэродромов. На обочине шоссе — снеговые валы, день морозный, а в машине

тепло, уютно. Я думаю о Жданове. Двухтысячный прыжок. Делю на триста шестьдесят… Это же шесть лет подряд, день за днем надо покидать борт самолета!

— Вадим! Ты знаешь, что такое две тысячи раз…

— Шесть лет ежедневно прыгать, — перебивает Синявский.

Видно, репортерские мозги устроены одинаково. Мы снова молчим. Я вспоминаю, как впервые прыгал с парашютом.

— Слушай, — нарушает молчание Синявский, — ты же летчик, значит, прыгал, наверное…

Я от души расхохотался.

— Чего ты?

— Репортерские мозги. Я же именно это и вспомнил сейчас.

— Тем лучше: выходит, я телепат. Значит, рассказывай, все равно ехать долго, а мне интересно. Только не ври. Страшно небось?

Упрашивать меня не надо. Я и сейчас охотно изложу этот рассказ, хотя бы потому, что в журналистской практике армейская закалка и воспитание не раз помогали преодолению трудностей, научили собранности, да и чувство страха тоже случалось подавлять.

Итак, безветренным, солнечным утром под наблюдением инструктора укладываю парашюты. Вверяю свою жизнь большому шелковому зонту. Сложен он и подготовлен по всем правилам, не подведет. Не признаваясь друг другу, курсанты думают об одном: «Хватит ли силы воли прыгнуть, не опозорюсь ли?» Мы знали двух «прыгунов», невероятно страдавших от нескрываемого презрения товарищей. Юность не прощает малодушия.

Вот и моя очередь садиться в самолет. Спешу. Надеваю два парашюта: ранец на спину — основной, на живот — запасной. Товарищи помогают расправить лямки, застегнуть карабины и, пожелав ни пуха ни пера, провожают к самолету.

В нескольких шагах от машины я с ужасом вижу, как из брезентового чехла вываливается белый шелк запасного парашюта.

Что тут было! Инструктор ругается, ребята хохочут, а я ничего не могу понять, только чувствую, как пылает лицо и на глаза навертываются слезы…

— Я ничего не трогал, честное слово! — убеждаю инструктора. — Может, застежками зацепился, когда надевал…

— А не струсил?

— Что вы, что вы!

Надо мной висела страшная угроза-отстранение от прыжка. Тут уж точно ребята запишут в трусы.

— Товарищ инструктор, ну вот честное комсомольское, не

нарочно, понимаете…

— Ладно, ладно, — сжалился инструктор, — укладывайте…. Медленно, очень осторожно, боясь окончательно опозориться, залезаю в тесную кабину «У-2».

Инструктор-летчик еще раз напоминает:

— Наберем триста метров. Когда похлопаю тебя по плечу (я сижу в передней кабине), вылезай на плоскость лицом к хвосту. Возьмись за вытяжное кольцо, руку продень в резинку и жди. Махну — прыгай. Только сразу кольцо не дергай, сосчитай до пяти, а то купол за самолет может зацепиться. Понял?..

Пока самолет набирает высоту, думаю только об одном: «Скорее бы!» Вижу — стрелка прибора подходит к заданной высоте, и приподнимаюсь в кабине. Рука инструктора решительно запихивает меня на место. Рано… Наконец долгожданный удар по плечу.

Перекинув ноги через борт, становлюсь на крыло, крепко держась за кабину. Встречный ветер так и рвет, пытаясь сбросить меня с крыла раньше срока. Земля красивая, чистенькая, как на картинке, но очень уж далекая.

Слева, как раз на уровне сердца, из кармашка, прикрепленного к лямке, выглядывает металлическая скоба — это и есть вытяжное кольцо. На нем розовая резинка, вырезанная, видимо, из камеры. Продеваю правую руку в резинку (чтобы в момент прыжка не потерять кольцо) и крепко берусь за скобу.

Смотрю на инструктора, это приятнее, чем смотреть вниз. Он улыбается, затем сбавляет обороты мотора и кричит:

— Готов?

— Готов!

— Резинка?

— Надел.

— Не страшно?

— Нет! — ору что есть силы.

— Пошел!

Последний взгляд на инструктора, на землю, глупый выкрик: «Пока!», и я шагаю в пустоту…

«Раз, два, три, четыре, пять!» — дергаю за кольцо. Усилие такое бешеное, что не ощущаю никакого сопротивления. Кажется, что просто провел рукой по воздуху и не выдернул троса, удерживающего в чехле парашют. «Оборвался трос!» — обжигает мысль, и рука уже сама лихорадочно нащупывает кольцо запасного парашюта. И в этот самый миг меня довольно сильно встряхивает, а над головой самый чудесный, самый красивый из всех зонтов мира — купол парашюта.

Наступила необычайная тишина, а по всему телу разлилось

такое счастливое спокойствие, что словами и не передать.

Сижу на лямках словно в кресле, чуть-чуть покачиваясь от легкого ветерка, с интересом рассматриваю землю, наш аэродром.

Достаю из кармана комбинезона специально приготовленные карандаш и бумагу, вывожу: «Эта строка написана и воздухе, под куполом парашюта. Думаю о тебе…»

Достаточно. Наверное, не многим девушкам пишут, паря в небесах.

Приближается земля. Подтягиваюсь на стропах, поднимаю, напружиниваю ноги, чтобы амортизировать удар, но все же довольно «плотно» сталкиваюсь с землей и, как учили, падаю на бок…

Вот и вся история. Сколько же страхов, переживаний принес мне самый простой ученический прыжок, а мы едем на двухтысячный!

Так за разговором добрались до места. Около двухмоторного самолета стоял коренастый, плотный человек в кожаной куртке, меховых унтах. На нем уже надеты два парашюта. Рядом — товарищи, жена с двумя маленькими дочурками, мать.

Знакомимся. Даже те, кто никогда не видел Синявского, сразу узнают его по характерному хрипловатому голосу. И в этом он индивидуален. Организаторы очень довольны, что приехал именно он. Я, понятно, не в счет. Справедливо.

Предстоящий прыжок не просто юбилейный, а еще и испытательный. До сих пор с новым парашютом «прыгали» только чугунные чушки. На сей раз надежность конструкции испытает инженер-спортсмен.

Как было условлено, Синявский с магнитофоном садится в самолет. Я с другим аппаратом остаюсь на земле.

Слежу за самолетом. Набрав высоту, он приближается к аэродрому. Открылась дверца… От самолета отделяется маленькая фигурка… Секунда, другая… Над головой Жданова вспыхнул алый купол. Все с облегчением вздыхают. Не простое все-таки дело!

Теперь видно, как, управляя парашютом, словно парусом, подтягивая стропами купол, Жданов старается приземлиться поближе к встречающим.

Все это я рассказываю, продолжая репортаж. Что еще такое? Что-то выпало из самолета? Да нет, в небе маленький белый парашютик… Ставлю бинокль на самое сильное увеличение… Нет, вы подумайте, какие молодцы летчики! С неба опускается бутылка шампанского, увешанная гроздьями апельсинов. Хорошая деталь и в репортаже. Вдвойне молодцы ребята!

Жданов уже приземляется. Вслед за ним ложится на снег

шампанское.

Проваливаясь в глубоком снегу, вместе со всеми бегу поздравить юбиляра.

Именинника качают, обнимают, дарят цветы, к груди прикладывают большой синий значок парашютиста — мастера спорта, а под ним золотой треугольничек с цифрой «2000».

Маленькая Танюша вручает отцу серебряный кубок-подарок семьи.

Все происходившее записывалось магнитофоном, и сцена встречи передаст слушателям обстановку этого двухтысячного приземления.

— Что сказать? — вслух размышляет еще взбудораженный Жданов. — Спорт наш очень строгий и очень романтичный. Каждый прыжок интересен по-своему и каждый волнует, только мы научились скрывать свои чувства. Конечно, приятно справить такой юбилей, но ведь не просто так прыгнул две тысячи раз. Наверное, испытанные парашюты спасли или спасут жизнь кому-то. Вот главное.

Нашу беседу неожиданно прерывает маленькая Танюша:

— И я буду прыгать, папа.

— Это не так-то просто, девочка, — отвечает ей известнейший испытатель парашютов, тоже перешагнувший двухтысячный рубеж, лауреат Государственной премии Юрий Иванов.

И, обращаясь к нам, он говорит:

— Я ведь знаю, чего вы, журналисты, от него ждете. Только вряд ли Жора расскажет вам о своих подвигах. По случаю юбилея я могу напомнить один случай. Хотите?

— Ну конечно!

— Так вот, нужно было испытать новый парашют — раскрыть его, когда скорость будет триста километров в час. Я был на старте. Жора прыгнул нормально, в воздухе показался белый комок парашюта, да так маленьким грибком и повис над Ждановым. Не распустился… Значит, сейчас откроет запасной. Но Георгий по-прежнему камнем падает. Вижу в бинокль, что он неподвижен. Потерял сознание? Знаете, как страшно — видеть товарища в беде, а помочь никакой возможности… Еще немного — и конец! Тут все вдруг заорали как оглашенные: «Раскрыл! Раскрыл!..»

— Что же случилось?

— Страшнейшее дело. Парашют не раскрылся, и стропы сразу обвились вокруг Георгия, руки прижали к телу, не пошевелиться! Конечно, растеряйся он — гибель! А ему необходимо освободить хотя бы одну руку, чтобы дотянуться до кольца запасного. Не

забывайте, что каждая секунда на пятьдесят метров приближает парашютиста к земле. Без громких слов — это был настоящий поединок со смертью… Понимаете, какое нужно было нечеловеческое усилие! Жора освободил руку в самый последний момент. Честно говорю, мы уже не верили… Да…

Все хорошо поняли это многозначительное «да». Иванову тоже пришлось пережить подобное испытание, и кто лучше него мог оценить подвиг товарища.

Тем временем самолет приземлился. Прибежал Синявский, говорит, что репортаж в воздухе получился интересный, а «Жданов большой молодец, здорово держит себя в руках».

Вот уж действительно «в руках», подумал я, жалея, что Вадим не слышал рассказа Иванова. Впрочем, все записано на пленку, и наш репортаж — еще один звуковой документ. Да и построен он не совсем обычно. Репортаж-эстафета, событие глазами двух репортеров с разных точек: земля — самолет — земля. К тому же ни слова из студии, все на месте, живые, непосредственные впечатления.

И еще об одной парашютной истории не могу не рассказать.

3 сентября 1959 года произошло редчайшее событие, родившее высокий подвиг человеческого духа.

На аэродроме болгарского города Пловдива шли международные соревнования парашютисток. Спортсменкам осталось последнее упражнение — прыжок с высоты 1750 метров для выполнения фигур в свободном падении.

На борту самолета абсолютная чемпионка мира советская парашютистка Надежда Пряхина, обладательница двадцати золотых медалей.

Прыжок! Раскинув свободно руки, как птица, парит в прозрачном небе Надежда. Вот она легко и изящно вошла в спираль, затем «выписала» в небе «восьмерку»… Фигура за фигурой…

Человек-птица крутит в воздухе последнее сальто.

До земли примерно тысяча метров. Пряхина выдергивает кольцо… Парашют не распустился! Тянется белым шлейфом. Теперь и запасной раскрывать опасно — может запутаться в стропах основного парашюта. Значит, нужно его обрезать. Девушка вытаскивает нож, но, взглянув на землю, понимает, что времени уже нет.

Надя выдергивает кольцо запасного, руками выхватывает из ранца аккуратно сложенный парашют и с силой отбрасывает его в сторону!..

Встречный поток воздуха прижимает и этот парашют к основному. Катастрофа. Земля рядом. Пряхина огромным

усилием подтягивает запасной парашют, вновь отбрасывает его в сторону… Все напрасно… Парашютистка, насколько возможно, подтянулась на лямках, до предела напрягла тело… Земля!

Жива!!!

От сильнейшего удара у Пряхиной повреждены поясничные позвонки.

Сначала болгарские, потом советские врачи сделали все возможное, чтобы мужественная спортсменка не осталась калекой.

Как только Надежда выписалась из больницы, я разыскал в Тушине ее квартиру.

Как встретит Пряхина радиорепортера, захочет ли разговаривать, не пала ли духом?

В уютной комнате поверх застеленной покрывалом постели лежала лицом вниз белокурая девушка.

Приподняв от подушки голову, она светло и открыто улыбнулась:

— Извините, но я должна пока лежать в таком неудобном положении. Да вы садитесь, садитесь…

Я мысленно обругал себя за то, что не догадался захватить цветы.

Прошу разрешения записать нашу беседу на пленку.

Надежда все так же приветливо спрашивает, не нужно ли для этого пододвинуть столик, предлагает, не стесняясь, распорядиться.

Устраиваюсь на маленькой скамеечке, небрежно кладу микрофон на колени, чтобы не создавать обстановки «выступления», и начинаю обыкновенный разговор. Рассказываю, как искал дом. Постепенно перехожу к делу. Мне все больше нравится Пряхина: никакой позы, громких слов, все просто, человечно.

К счастью, у меня сохранилась стенограмма записи.

История Надежды обычна: ученица ремесленного, часто ходила на Тушинский аэродром, видела девушек-парашютисток, увлеклась и в пятьдесят первом году стала курсанткой центрального аэроклуба.

На шестьдесят восьмом прыжке Надежда Пряхина завоевала знание абсолютной чемпионки страны.

Хрустальные, серебряные кубки, медали, вымпелы здесь же, в комнате, и с них начался переход к разговору о прыжках:

— …Я первый раз вижу медали парашютистов.

— Ничего удивительного. Медали в парашютном спорте ввели у нас только в пятьдесят четвертом году. Одиннадцать из двадцати медалей — за рекорды, десять рекордов — мировые.

Вот там, на серванте, самый большой мельхиоровый кубок — это переходящий кубок Адриатики. Второй раз Надя привезла его в Москву. Очень интересны эти соревнования еще и тем, что в программу включается прыжок на море. Прыгнуть надо с высоты пятьсот метров, приводниться как можно ближе к цели, а если от нее окажешься далеко, плыви.

— В одежде?

— Нет, прыгали в купальных костюмах. В воздухе отстегиваешь подвесную систему, а в момент контакта с водой освобождаешься от парашюта и спасательного жилета. Тут и пловцом хорошим быть надо…

Надя оживилась, по-моему, даже забыла о своем недуге.

С каждым кубком, медалью, вымпелом связаны интереснейшие истории, и Надежда охотно продолжает рассказывать. А я все не знаю, как перейти к главной цели беседы. Наконец набираюсь мужества и приступаю. Тут лучше всего дословно воспроизвести стенограмму:

— Надежда Ивановна, расскажите, пожалуйста, о том случае… я не знаю, не могу подобрать подходящего слова… случае, конечно, с одной стороны, печальном, а с другой стороны, вы тогда показали такую выдержку, такое большое мастерство и самообладание…

Ох, как порой бывает трудно касаться тяжелых происшествий, трагических или очень интимных событий! И здесь необходим величайший такт, максимальная мера деликатности, чтобы не переступить невидимой, недозволенной черты.

Взволнованный, исполненный неподдельного восхищения перед Надеждой Пряхиной, я хотя и нескладно, но, наверное, очень искренне ступил на искомую тропу.

Пряхина сочувственно, как показалось, посмотрела на меня и совершенно спокойно, припоминая детали, перечислила выполненные в воздухе фигуры:

— Выполнила комплекс, как мне показалось, неплохо. Для того чтобы выполнять фигуры, мы летим плашмя. Этот наш стиль очень удобен в свободном падении. Посмотрела на секундомер. Прошло восемнадцать секунд, а надо было не менее двадцати, чтобы не получить штрафных очков. Прошло еще четыре секунды, и я выдернула кольцо. Обычно после выдергивания кольца парашютист ощущает резкий рывок. Динамического удара не последовало. Я сразу поняла: что-то случилось с парашютом. Взглянула вверх — с главного купола не сошел чехол, вытяжной парашютик завязал все стропы главного купола. Хотела сначала обрезать все, приготовила нож…

Вы уже знаете историю борьбы в воздухе. Но как удивительна

выдержка Пряхиной! Никакой паники, никакого страха — все на борьбу за жизнь. Не так ли совершались подвиги и в годы войны?

— Скорость была большая, — заканчивает историю неповторимых сорока секунд Пряхина. — Видела, что бежали ко мне люди. И очень не хотелось верить, что все кончено. Я боролась до самого конца и отделяла запасной от главного. И когда уже увидела, что подхожу к земле, резко подтянулась на лямках. И вот этим самым я уменьшила силу удара при приземлении. Еще посчастливилось, что упала не на аэродром, а на взрыхленную пашню…

— Ну, а сейчас…

— Очень хочется быстрее встать. Предстоят большие соревнования — чемпионат мира, и если позволит здоровье, то с удвоенной силой придется заняться тренировками. Очень не хочется отставать от товарищей.

— Значит, вы вернетесь к любимому спорту…

— В этом я даже не сомневаюсь. Определенно. И на завод вернусь. Работа мне очень нравится. Но все-таки очень хорошо, когда совмещаешь с работой какой-нибудь спорт. А помимо спорта, я еще занимаюсь в механическом техникуме, на вечернем отделении. Конечно, все вместе трудно, но в то же время и интересно, многое хочется познать… Жить все-таки хочется так, чтобы успеть сделать побольше, чтобы жизнь не прошла даром. И мне очень тогда хотелось жить!

Эта беседа — тоже один из документов нашей эпохи, советской. Уверен, характеры наших современников когда-нибудь станут предметом пристального изучения историков. Как же обидно, что так бесхозяйственно, не думая о будущем, относимся мы к записям-документам! Полагаю, что даже эти отрывки стенограммы позволяют представить себе духовный облик Надежды Пряхиной. Насколько же сильнее и убедительнее прозвучал бы перед потомками ее голос! А пленка размагничена…

Уверенность Надежды Пряхиной, что не расстанется с любимым спортом, оправдалась. Хотя и не пришлось больше прыгать с парашютом, но член бюро Федерации парашютного спорта СССР Надежда Ивановна много делает для его развития, судит соревнования в стране, выезжает на международные встречи. И завод свой не оставила. Появился у Надежды Ивановны сын…

Так все и должно быть у человека, который в час самого сильного испытания боролся до конца.